

В эту ночь дворец Дунфань был ярко освещён и крайне оживлён.

Подняв взгляд, можно было увидеть висящие фонари, которые покачивались в лёгком танце. Молодые и красивые служанки входили и выходили, поднося всякого рода свежие плоды и роскошные угощения, словно разноцветные бабочки сновали между банкетными столами шумного главного зала.

Пресытившаяся по горло гневом и обидой цзиши знать царствующего дома Дунфань сегодня отводила душу и веселилась, каждый ликовал, обнимая сидящую рядом красавицу и вволю предаваясь пьянке.

В центре зала, где было свободное место, несколько десятков чудесно наряженных танцовщиц в разноцветно-золотых масках очаровательно и изящно кружились в танце. Мелодичные звуки музыки неспешно доносились из-за спущенного занавеса, сливаясь с ветром и нежно трогая душу.

Очень сильно возвеличивалось присутствие прибывшего из Силэй известного на весь мир красавца — князя Мина.

В разгар празднования лишь он сидел за столом с мрачным выражением лица. Император Дунфань занимал место посередине, Лу Дань сидел на почётном месте с правой стороны, а по левую руку императора — Фэн Мин. Три фигуры являлись центральными, потому у Фэн Мина и было мрачное выражение лица, которое никто до этого не видел.

На самом деле даже если бы князь сидел, сжавшись в углу, всё равно не было бы ни одного, кто не обратил бы на него внимания.

Песни и пляски закончились, танцовщицы, поклонившись, грациозно покинули помещение. Вокруг юноши тотчас же столпились незнакомцы, у которых были злобные намерения.

— Ваша Светлость князь Мин, а ну давайте-давайте, я преподношу Вашей Светлости князю Мину одну чашу вина. Ваша Светлость с помощью Небесных сил наказали этих невежественных цзиши, которые действительно вымещали на нас своё зло.

— Верно-верно, и сегодня вечером мы не вернёмся домой, пока не напьёмся допьяна.

— Наслышан об имени князя Мина из Силэй. Сегодня встретился с Вами. Действительно, Вы уникальный красавец.

После того как Фэн Мин закатил скандал Лу Даню, ему крепко связали руки и заперли в тёмной комнате на полдня, в которой гневное настроение с трудом, но поутихло. Вспоминая, что советник с самого начала не являлся порядочным человеком, юноша в сердце сетовал, что зря оказывал доброжелательность. Он вновь невольно подумал о Жун Тяне и Силэй, и,

терзаемый сумбурными мыслями, юноша в итоге вынес урок: настоящий человек никогда не опростоволосится на глазах у всех.

Не способный больше ждать, пока кто-то спасёт его, князь Мин из Силэй собирался спасти себя сам.

Чтобы сбежать, обязательно нужен план, так как враг – силён, а князь – слаб, поэтому портить отношения [1] было крайне глупо.

Закрыв глаза, князь из последних сил старался забыть доносящиеся из небесно-земного дворца ужасные крики. Однако ради Силэй сколько бы ни выпало невзгод, нужно было стерпеть.

Потому только в эту ночь, сдерживая гнев, юноша восседал за обеденным столом царствующего дома Дунфань.

Хоть тайком Фэн Мин дал себе наказ сдерживать вспыльчивость, он совершенно не обладал мастерством Жун Тяня: смотря на множество окружающих красавиц, юноша ни на волос не изменился в лице.

Глядя на радость и веселье и как раз вспоминая ту ужасную трагедию, что случилась недавно, Фэн Мин моментально осмотрелся: несколько людей с дурными намерениями уже находились рядом и, словно играя в «кошки-мышки», омерзительно и неприкрыто соблазняли его. От подобного зрелища князь тотчас же понял, что его положение хуже некуда, и втайне яростно закричал: «Плохо дело!»

— Выпейте.

— Ой-ой, поглядите на лицо князя Мина, похоже, ты ему не нравишься, князь Дунин.

— Хо-хо, такое вкусное и отличное вино, Его Светлости князю Мину вовсе не стоит проявлять свою бестактность.

Фэн Мин, вновь подумав, что бесполезно подавлять гнев, ведь эти люди, получив цунь, продвинулся на чи [2], решил — лучше стоять насмерть, и, холодно посмотрев на заполненный до краёв бокал, который чуть ли не подносили к его губам, и в глаза, ожидавшие потеху, князь высокомерно отвернулся, холодно выплюнув:

— Я не пью.

Как только Фэн Мин публично отвернулся, несколько знатных персон и князя немного изменились в лице.

Беспорядки в Силэй, исчезновение Жун Тяня, а этот человек, некогда обожаемый императором князь Мин, дал понять, что не может сделать и шагу, оставшись в императорском дворце Дунфань. Проще говоря, он лишь являлся несчастным пленником, с которым можно было от всей души поразвлечься.

— Сегодня радостный день для Дунфань. И разве это не повод пропустить по чашечке вина? — князь Дунин, хмурясь, рассмеялся. — Нравы Дунфань гласят: отказав чествовать кого-либо вином, проявляете крайнее неуважение. Простого человека за проявленную неучтивость к государю и знати могут осудить как серьёзного преступника.

Фэн Мин тоже слышал о всевозможных бесстыдствах и распущенности, творящихся в императорском дворце, и, всегда слушая рассказы Ле-эра о том, что знать на банкетах может фамильярничать с мальчиками-подростками и служанками, привык [3] и не считал это чем-то удивительным. Невинное очарование, попав в руки знатных отпрысков, достигало несчастья, ведь в большей степени им, детям знати, нравилось третировать и издеваться над прислугой-мишенью. Сейчас окинув помещение взглядом, Фэн Мин заметил, что в центре зала уже не было танцовщиц, находящиеся за занавесом музыканты тоже тихо покинули комнату, оставляя его центром внимания для всех.

Юноша хоть и не обладал искусством видеть людей насквозь, как Жун Тянь, однако обнажённый омерзительный соблазн на лицах рядом сидящих мужчин всё же способен был понять, тотчас же чувствуя трепет в душе.

Отвратительно.

Фэн Мин сильно закусил нижнюю губу, а взгляд сияющих глаз упал на спокойно наблюдавшего за обстановкой Лу Даня, после чего князь внезапно поднялся из-за стола и, обратившись к сидящему на почётном месте императору Дунфань, сложил руки в знак почтения и, склонившись в поклоне, отчётливо проговорил:

— Если князь Мин сейчас является узником, прошу государя как можно скорее отправить Фэн Мина туда, где должны держать узников.

— Князь Дунлин груб, — Лу Дань, не дожидаясь, пока ответит император Дунфань, поспешил вставить слово. На самом красивом лице заиграла привлекательная улыбка, как только князь Дунин отступил с вином, господин советник лично поднял бокал и, подойдя к Фэн Мину, проговорил: — Князь Мин напуган, поэтому Лу Дань выпьет бокал вина в знак прощения. — Запрокинув голову, мужчина с изящными манерами выпил напиток, что был в бокале, и, понизив тон, добавил: — Лу Дань, конечно же, всячески обеспечит сохранность князя Мина. Однако цзиши только что были стёрты с лица земли, император и знать готовы действовать. Находясь в подобной ситуации, князю Мину тоже необходимо проявить хоть немного умений.

Разве мог Фэн Мин не понять намерений Лу Даня? Князь помнил, что этот человек, перейдя мост, вытащил из него доски [4], к тому же безжалостно уничтоживший людей в храме цзиши, жестокий и бесчувственный, однако в нынешней ситуации даже если Фэн Мин до скрежета

зубов ненавидел советника, он только и мог, что притворяться, пусть временно, но всё же, и, также понизив тон, отозвался:

— «Искусство войны» я могу не спеша рассказывать Вам, однако «Второе искусство войны» я действительно не читал, что там написано, знает только мой учитель. Если обладаете талантом, попросите моего учителя спуститься с гор, только тогда, возможно, получите его знания.

— Тогда Ваш уважаемый наставник...

— Место, где живёт мой учитель-отшельник, я могу указать Вам, — Фэн Мин спешно проговорил название местности. «Так или иначе ты всё же негодяй, привёз меня к государю, и обмануть тебя проще простого».

И двое мужчин, замышляя недоброе, с лёгкой улыбкой взглянули друг на друга.

Лу Дань подал знак, чтобы больше никто не подходил и не беспокоил Фэн Мина, а песни и пляски продолжились.

Сидевший среди многочисленных недовольных взглядов танцующих поодаль девушек, Фэн Мин вольготно любовался впечатляющими танцами, в душе понимая: «Как только Лу Дань почувствует, что я утратил практическую ценность, может без колебаний швырнуть меня в толпу гоняющихся за удовольствиями животных».

Красивые люди подобны змеям и скорпионам [5], Жун Тянь был прав.

Ах, Жун Тянь...

Пиршество закончилось, и Фэн Мин, сначала полагавший, что его всё же конвоируют обратно в душную комнату, проследовал за охраной, которая сжимала клинки в руках, только на полпути он обнаружил перед собой опочивальню, считавшуюся самой лучшей во дворце Дунфань.

Стоило князю войти, как он увидел повсюду свисающие занавески и горящий фимиам, в комнате царила тишина, которая приносила своеобразную изысканность. Четыре-пять замечательных на вид служанок подошли поприветствовать юношу:

— Князь Мин пришёл. — Очевидно, девушки уже давно получили распоряжения хозяина и крайне волнующе рассмеялись.

Фэн Мин изумился и, обернувшись, взглянул на охраняющую его стражу, которая уже стояла за дверью с безэмоциональными лицами, сжимая в руках мечи, висевшие за поясом.

- Государь приказал, чтобы наши младшие сёстры прислуживали Его Светлости князю Мину. Горячая вода уже готова, просим князя Мина помыться.

Голоса девушек звучали мягко, а глаза были подобны воде.

От корабельного пленника, плывущего по волнам реки Оман, до узника мрачной подземной тюрьмы в храме цзиши, потом Лу Дань запер его в тёмной комнате, и внезапно его перевели в уютную, тёплую и великолепную опочивальню императорского дворца, заставляя князя невольно засомневаться.

— Господин советник сказал, чтобы князь почувствовал себя как дома.

Служанки втянули Фэн Мина во внутренние покои, где действительно уже была готова большая бочка с горячей водой. Пар, что исходил от воды, в зимнюю стужу был весьма соблазнителен. Отчего и впрямь хотелось хорошенько помыться.

Хоть Фэн Мин и привык к заботе со стороны служанок, однако как только девушки стянули с него одежду, князь всё же зарделся и, неловко прикрывая нижнюю часть тела, влез в бочку.

— Хи-хи, князь Мин стесняется.

— Кожа князя Мина очень белая.

Плесь!

Набрав черпаком приятную горячую воду, служанки мягко полили ему плечи.

Перед глазами появились очаровательные красавицы, которые, подняв рукава, поочерёдно поливали его, даря императорские наслаждения.

В Силэй основной привилегией мыть князя обладал Жун Тянь. Разве могла дойти очередь до вмешательства Цю Юэ и остальных девушек?

Проведя в пенной воде с полчаса, заставив всё тело от радости петь, Фэн Мин лениво выбрался из бочки и облачился в заранее приготовленное служанками платье.

Традиционный наряд, что носила дунфаньская знать, отличался от сложных и величественных нарядов Силэй. С виду платье Дунфань было простым и элегантным, пояс, обхватывая талию, выделял её, подчёркивая утончённость. Подобный вид действительно напоминал Лу Даня.

В приятном настроении и бодром сознании князь покинул гостиную и совершенно не удивился,

увидев силуэт господина советника.

— Вновь явился побеспокоить князя Мина. — Лу Дань повернулся, его лицо всё так же было удивительно прекрасным, нежным и изысканным.

— Вернуться в уютную обстановку, хорошо помыться, — Фэн Мин, словно хозяин, довольно уселся, поднял руку и жестом попросил Лу Даня последовать его примеру, и только тогда сказал: — Именно когда у человека расслабленное настроение, наиболее подходящий момент для вынужденного признания. Если бы господин советник не потревожил меня в этот момент, то это был бы не тот господин советник, которого я знаю.

Хоть Лу Дань и был бесчувственным человеком, однако всё же невольно покраснел и, прыснув от смеха, покачал головой:

— Князь Мин, а, князь Мин, что Лу Даню делать с князем Мином? — Свободно сев, мужчина медленно заговорил, словно нашёл, с кем посоветоваться: — Убить такого смышлёного и сообразительного человека рука не поднимется, и человека, знающего стратегии, напрасно заключать в тюрьму, да к тому же досадно, а если отпустить, то, конечно, отпустить тигра в горы [6]. Силэй, у которого пропал Жун Тянь, но остался князь Мин, по-прежнему не стоит недооценивать: как бы искренне я сейчас не подмасливал, князь Мин всё равно сомневается в Лу Дане и таит в душе недоброе, — беззаботно и тяжело вздохнув, мужчина обнажил трогательную и в то же время горькую улыбку и, нахмурившись, не проронил ни слова.

Подвергшись его внезапной жестокости и мягкости, Фэн Мин безостановочно чесал затылок. Громко кричать не получилось бы — голова кружилась, поэтому ему ничего другого не оставалось, как сдаться, подняв руки вверх:

— Господин советник потрясающ, прошу, не нужно ходить вокруг да около. Ходя кругами, специально делаете из смышлёного князя Мина глупца. Лучше сразу говорите напрямую.

Настроение у господина советника несколько улучшилось, и мужчина, слегка улыбнувшись, проговорил:

— Прошу князя Мина послушать мою подробную историю.

Фэн Мин, пожав плечами, ответил:

— У господина советника превосходный ораторский талант, речь ничем не уступает речи президента США в предвыборной борьбе, наоборот, она звучит ещё более потрясающей. Вы говорите, а я, несмотря ни на что, буду слушать, — зевнув, князь послушно начал ждать.

Лу Дань, очевидно задумавшись, легко спросил:

— Князю Мину известно, почему Лу Дань приказал безжалостно уничтожить всех цзиши и их храм?

— Они господствовали над чувствами народа Дунфань, они являлись Вашим политическим врагом, Вам приходилось быть под их контролем, от которого невозможно было избавиться, — на одном дыхании аргументировал Фэн Мин, затем добавил: — Не взирая на какие-либо достойные оправдания, Вы никак не можете освободиться от подозрений в захвате власти, господину советнику не нужно верить собственной лжи.

Подвергшись разоблачению со стороны князя, Лу Дань как ни в чём не бывало блёкло проговорил:

— Моя семья Лу состояла из семидесяти семи человек, и все они умерли, находясь в руках цзиши.

Фэн Мин изумился.

Лу Дань, сделав выражение лица, словно ему страшно вспоминать прошлое, с грустью проговорил:

— У моего отца в семье было шесть старших братьев и младших сестёр, в те годы моя пятая тётушка стала известной красавицей Дунфань. Из-за славы красавицы она навлекла на себя беду и смерть всей семьи.

— Неужели кто-то из императорской семьи устремил взор на пятую тётушку господина советника и, не обращая внимания на её желания, захотел принудить несчастную вступить в брак? — нахмурился Фэн Мин.

Судя по облику Лу Даня, можно было предположить, что между ним и его пятой тётушкой не было никакой разницы. Во всяком случае тех, чей лик подобен луне и цветку [7] и заставляет рыб погружаться, а диких гусей — падать [8], к сожалению, ждёт несчастная судьба.

Лу Дань, покачав головой, с горечью ответил:

— В Дунфань строгая иерархия: знати ни в коем случае нельзя родниться с простолюдинами. И наша семья была обычной семьёй простолюдинов, пятая тётушка хоть и красавица, однако, если бы хотела войти в ворота знати, то только в качестве служанки, которая исполняла плотские желания хозяина, у неё даже не было бы статуса наложницы. Устремившей на неё взор оказалась тогдашняя глава цзиши.

Фэн Мин слегка изменился в лице:

— Разве не женщины из поколения в поколение брали на себя роль главы цзиши? — Неужели в

эти времена в Дунфань уже позволялось женщине и женщине... Только, глядя на внешний вид этих старых цзиши, не похоже, чтобы они были сексуально раскрепощены.

Или глава цзиши, почувствовав, что надо менять облик цзиши, рассчитывала найти красивую преемницу? О, нет, неужели она заставила тётушку Лу Даня стать цзиши?

Пока Фэн Мин бросался от одной мысли к другой, Лу Дань тихо заговорил:

— Имеет ли глава цзиши какое-либо отношение к женщинам? Иногда женщина безжалостнее мужчины. Наша семья являлась семьёй простолюдинов, отец с дядей зарабатывали на жизнь, создавая скульптуры. Перед небесно-земным дворцом стоят две статуи, которые и являются их величайшим творением. В день, когда статуи были готовы, к нам в дом пришёл ритуальный приказ от главы цзиши, в котором говорилось, что пятую тётушку выбрало Небо и что она станет жертвой для обряда жертвоприношения, — советник спокойно посмотрел на Фэн Мина. — Этот обряд проводился четыре раза в год: весной, летом, осенью и зимой, и каждый раз преподносилась духам молодая и красивая простолюдинка. Процесс жертвоприношения почти не отличался от того, что совершали наши предки много лет назад: в свою кровь погружалось небесно-земное кольцо, принося в святой дворец духовное начало.

— Это безжалостное жертвоприношение, — Фэн Мин втянул прохладный воздух. — Ввиду этого Ваша пятая тётушка тогда сбежала? И только потому навлекла смерть на всю семью?

Вместо этого Лу Дань проговорил:

— От выбора Небес невозможно скрыться. Старший брат отца и сам отец были тронуты и приняли подобную милость: пятую тётушку ввели в небесно-земной дворец, к тому же получили награду цзиши. Этой награды было бы достаточно, чтобы наша семья продержалась три лютых зимы.

От услышанного Фэн Мин вытаращил глаза и раскрыл рот:

— Тогда...

— Никто из нас не мог ожидать, что перед тем, как возлечь на жертвенник, цзиши выяснят... что пятая тётушка вовсе не девственница.

— А?

— А это кощунство по отношению к духам — серьёзное преступление, отчего глава цзиши пришла в ярость. Нас привели в небесно-земной дворец, и, стоя перед ним, мы ещё не знали, что произошло. Одна из цзиши огласила приказ главы цзиши, и охрана, тотчас же взяв мечи, окружила нас. — Лу Дань закрыл прекрасные глаза. — На самом деле моя пятая тётушка, известная красавица, беззащитная простолюдинка, неизвестно как давно подверглась

издевательствам со стороны какой-то влиятельной твари. Жаль, что она не осмелилась никому сказать и в конечном итоге по указанной причине погубила наши семьдесят семь жизней. А храм цзиши? Те две статуи, стоящие перед небесно-земным дворцом, окропились кровью моего отца, дяди, матери, тётушки, братьев и сестёр. Неужели князь Мин не увидел этих бурых пятен крови?

Всегда ласковая улыбка сейчас при одном только взгляде вгоняла в дрожь [9].

Князь содрогнулся.

Семьдесят семь жизней, конечно, не шли ни в какое сравнение с тем количеством жестоко убитых людей сегодня в храме цзиши, однако, учитывая, что каждый из них являлся близким родственником Лу Даня, то чувство под названием «ненависть» не так уж и легко было утолить.

— Примечательно, что в последний момент меня увезли из родного дома и тем самым позволили избежать смерти. Я стоял на высокой террасе небесно-земного дворца и смотрел на струящуюся по земле кровь, слушая истошные вопли моих родных. В то время я был ещё слишком юн и отчаянно противиться совершенно не мог, лишь остолбенело смотрел. — Лу Дань открыл глаза и сияющим взором посмотрел на Фэн Мина: — Князь Мин такой сообразительный и, безусловно, смог догадаться, почему они пощадили меня?

В душе Фэн Мин вздрогнул и, подсознательно сомкнув губы, не озвучил свои догадки.

Лу Дань, показав счастливое лицо, с до крайности очаровательной улыбкой проговорил:

— Я выглядел великолепно. Они постоянно запирались в мрачном и жутком небесно-земном дворце и требовали занимательные игрушки, удовлетворяя похоть, о которой не знала ни одна живая душа. Я пробыл там более пяти лет, и каждый раз я нестерпимо искал смерти, я думал, что это, наверное, воля Небес. Небеса хотели, чтобы у меня была изумительная внешность, Небеса спасли меня от меча и смерти, и Небеса позволили мне узнать, насколько отвратительны цзиши, именно чтобы сказать мне, что цзиши на самом деле совершенно не почитают Небеса, а совсем наоборот — порочат их, и эти мучения были только ради того, чтобы я в один прекрасный день ради Дунфань уничтожил это зло.

Фэн Мин смотрел на его лёгкую улыбку, не в силах вымолвить и слова.

Однако Лу Дань, не придавая этому значения, после паузы со вздохом сказал:

— Я никогда не ошибался в воле Небес, после пяти лет Небеса позволили мне встретиться с государем. — Во взгляде раскосых очаровательных и блестящих глаз скользнула шелковинка редкого чувства уюта.

— Господин советник, пожалуйста, прекратите, — Фэн Мин не мог выдержать мучительных воспоминаний Лу Даня, его, стоило услышать пару слов, уже бросало в дрожь, а сам юноша почти простил безжалостные поступки мужчины. Тотчас же махнув рукой в знак отказа, князь проговорил: — Прошлое господина советника действительно очень печальное, однако ко мне оно не имеет никакого отношения. К тому же огромный враг господина советника уже повержен, а храм цзиши уничтожен. Господин советник, всё же поговорим об одном деле, которое касается меня. Короче говоря, что Вы в конце концов хотите сделать со мной? Ведь господину советнику не просто так понадобилось «Искусство войны».

— Всё очень просто, — Лу Дань неторопливо продолжил, — мне нужно сердце князя Мина.

— Моё сердце? — Фэн Мин помимо своей воли прикрыл грудь. Всемирно известное колдовство Дунфань он уже отдал благодаря Лу Даню, и, зная, что этот красавчик, казавшийся очаровательным и мягким, на самом деле может сделать нечто странное, князь внезапно насторожился.

— У князя Мина ошибочное мнение, — господин советник живо рассмеялся. — Мысли Лу Даня таковы: он хочет, чтобы князь Мин покорился Дунфань. Когда был жив император Силэй, Лу Дань совсем не думал о подобном. Признаюсь князю Мину: Лу Дань изначально решил, что так или иначе, полностью использовав князя Мина, убьёт его.

Увидев, как по лицу Фэн Мина скользнула судорога, мужчина сменил тон:

— Однако сейчас император Силэй уже мёртв, хоть мир и огромен, князю Мину некуда идти. Лу Дань хочет, отдав всю силу Дунфань, попросить князя Мина остаться рядом с нашим государем, чтобы помогать ему. В одиннадцати государствах есть ли хоть один император, как наш государь Дунфань, который пожалует князю Мину высокое положение, какое было у него в Силэй?

— Я, кажется... до этого был пленником, который подвергся третированию со стороны императорской знати, даже сам господин советник не из добрых побуждений вынуждал меня, — холодно усмехнулся Фэн Мин, добавляя: — Почему же сейчас изменился и стал полон искренних помыслов?

— Сцена, произошедшая на банкете, была предназначена для того, чтобы позволить князю Мину понять, что после того уничтожения цзиши во дворце Дунфань, как и в других странах, начнётся яростная борьба за важную должность, а позиция государя на самом деле нестабильна; если князь Мин захочет выжить здесь, то не сможет полагаться на меня, даже государь будет не в состоянии полностью защитить Вас. — Лу Дань спокойно со вздохом продолжил: — Князю Мину необходимо научиться защищать себя, используя собственные силы, стоять рядом с государем, защищать государя, как Вы тогда защищали покойного императора Силэй. Помогите моему государю стать великим императором, которого будут вечно восхвалять в исторических летописях.

Фэн Мин потупил взор, ничего не ответив.

С мгновение внимательно посмотрев на князя, Лу Дань внезапно проговорил:

— Князь Мин хранит молчание, позволяя Лу Даню предположить, что князь Мин о чём-то размышляет?

Встав с места и подойдя к Фэн Мину, мужчина поглядел в лицо князя и, разомкнув прелестные ярко-алые губы, сказал:

— Из-за надежды, что император Силэй по-прежнему жив, князь Мин не соглашается обдумать предложение Лу Даня, верно?

Фэн Мин в конце концов и не скрывал собственных надежд, слегка нахмурившись, князь уставился на мужчину.

Лу Дань вновь проговорил:

— В тот день, получив новости, я тотчас же направил людей всё разузнать, сейчас мои слуги вернулись и уже доложили. Не стоит князю Мину переживать, Силэй действительно перешёл в другие руки, и новоиспечённый император Жун Тун всё же прислал подарки, выражая благодарность мне за то, что я смутил разум Жун Тяня, приведя его к поражению и смерти во время военного восстания. К вечеру подарки из Силэй гонец, мчась день и ночь, уже доставил сюда. Может, князю Мину интересно на них взглянуть?

Не дожидаясь ответа юноши, Лу Дань легонько дважды ударил в ладоши, после этого звонкого сигнала в комнату вошли две прелестные служанки, держа в руках верхнюю одежду и по одной окрашенной в красный цвет квадратной тарелке, в которых лежали какие-то вещи, накрытые жёлтым шёлком, отчего было неясно, что же там такое.

Служанки, тихонько поставив на стол подношения, поклонились и вышли из комнаты.

Лу Дань, подойдя к одной квадратной тарелке, по-свойски сдёрнул шёлк.

Наверху лежали драгоценности небывалый красоты, которые Фэн Мин оставил без внимания, его взгляд скользнул, падая на одну вещь, и князь внезапно содрогнулся. Лу Дань, проследив за взглядом юноши, достал из многочисленных драгоценностей эту вещицу — изящное нефритовое кольцо.

— Эту вещь... обычно носил Жун Тянь?

Фэн Мин, понизив тон, ответил:

— Жун Тянь является великим государем, у которого куча повседневных украшений, бывает,

одна-две вещицы попадают в руки народу. Что в этом удивительного? Или он сам поощрил кого-нибудь.

Опустив взгляд и усмехнувшись, Лу Дань вновь заговорил:

— Тогда прошу князя Мина посмотреть на другой подарок.

Фэн Мин уставился на другую накрытую тканью тарелку, понимая, что внутри вещь, которую он совершенно не ожидал увидеть. Стиснув зубы, князь вытянул руку и, приподняв ткань, пригляделся, тотчас же втянул прохладный воздух, а его глаза увеличились так, словно собирались треснуть.

— Ну как? — донёсся сбоку тихий голос Лу Даня. — Такая вещица совершенно не может покинуть стены дворца Силэй и попасть в руки людей. Силэй уже поменял хозяина, и князю Мину не стоит упрямо держаться своего мнения.

Холодный ветер пронизывал тело. И хоть верхняя шуба укутывала князя, словно облака, однако даже она не могла спасти кости от этого холода.

Пальцы задрожали, медленно касаясь холодно-металлической квадратной тарелки.

Без хозяина Силэй невозможно было отослать этот подарок. Если бы Жун Тянь был жив, то ни за что бы не отправил такую вещь в Дунфань.

Парные мечи Ушуан являлись одним из трёх сокровищ страны и национальным сокровищем царствующего дома Силэй. Государство Силэй было основано в далёком прошлом благодаря этим парным мечам.

Мечи Ушуан парные и, как человек, не могут жить порознь. Если мечи разделить, то двое людей станут делить одну судьбу, то есть если одного из них внезапно настигнет беда, то и второй не сможет спастись.

Эти мечи прокляты кровью императора, что основал Силэй. Жун Тянь после того, как выразил Фэн Мину свои чувства, используя эти мечи, из-за зловещего предчувствия, по возвращении князя вновь вернул себе меч Ушуан и отнёс его во внутренние покои императорского дворца.

Картина прошлого, когда Ся Гуань поведал князю историю парных мечей, отчетливо стояла перед глазами.

Ся Гуань уже мёртв... А где же Жун Тянь? Что с ним?

— Силэй... и впрямь перешёл в чужие руки... — Князь Мин из Силэй потерпел жестокое

поражение, в глазах всё закачалось, и, с трудом успокоив тело, юноша тихим голосом спросил: — Сейчас император Силэй — Тун-эр? — Жун Тянь говорил, что он никогда легкомысленно не подарит мечи Ушуан, что олицетворяют его любовь к Фэн Мину.

— Верно, — Лу Дань кивнул, подтверждая догадки князя. — Новый первый министр тоже член семьи Тун.

Сделав шаг, мужчина подошёл и встал рядом с Фэн Мином, и, кончиками пальцев погладив холодное лицо князя, советник со вздохом сказал:

— Горе князя Мина охватывает Лу Даня, вызывая угрызения совести. Князь Мин не считает, что поступки Лу Даня мимолётны и неожиданны, а намерения трудно предугадать? Сегодня Лу Дань не собирается ходить вокруг да около и хочет прямо обсудить с князем Мином одно условие.

Убрав с красивого лица мягкую улыбку, что украшала его всегда, мужчина обнажил благоговейный вид.

Как раз оцепенело смотрящий на меч князь вспоминал голос и улыбку Жун Тяня, вспоминал жизнь во дворце наследного принца с Цю Лань, Ле-эром и остальными непослушными слугами-сорванцами.

Он отличался от Лу Даня, постоянно и глубоко веря в Жун Тяня, юноша совсем не мог так просто поверить в его смерть. Однако лежащий перед глазами меч по меньшей мере выражал один безжалостный факт: в Силэй действительно творится нечто серьёзное.

Государство перешло в другие руки, это большое событие потрясло не только народ, но и небо и всколыхнуло землю, в том числе если вспомнить о траурном событии, тотчас же можно почувствовать сильный запах крови.

Неужели пока он здесь мучительно боролся изо всех сил, ожидая, когда его спасёт Жун Тянь, сам мужчина тоже неизвестно где отчаянно боролся? В сердце кольнуло, Фэн Мин кое-как поднял голову и, увидев терпеливый заботливый и светлый взгляд Лу Даня, с горькой улыбкой проговорил:

— Я ещё представляю какую-то ценность, и стоит ли господину советнику тратить слишком много мыслей, выдвигая мне условия?

— Почему бы князю Мину сначала не выслушать условие Лу Даня? — Мужчина добавил: — Не знаю, сможет ли статус дунфаньской знати, могущество, состояние и даже статус императорского приближённого тронуть сердце князя Мина?

Пальцы крепко ухватили Ушуан, и с бледным лицом юноша задумчиво проговорил:

— Ради ничтожного искусства войны как может господин советник платить такую цену? Здесь должна быть какая-то тайна. Если господин советник не склонен к откровенности, поверит ли Фэн Мин Вашим искренним помыслам?

Обнажив шелковинку непринуждённости, Лу Дань отозвался:

— Услышав эти слова, я сразу понял: князь Мин в замешательстве. — Сложив руки за спину, мужчина вольготно и медленно стал расхаживать, размышляя: — Верно, из-за случившегося с Силэй, если князь Мин мечтает отомстить, то необходимо владеть достаточным влиянием, и условие Лу Даня, совершенно случайно, является наилучшим выходом.

Мужчина медленно дошёл до двери и, вытянув шею, выглянул осмотреть галерею. Вокруг не было ни души, а приближённая охрана, получив его приказ, вышла за большие ворота.

Миновала полночь, хлопья снега одни за другими парили в воздухе.

Лу Дань повернулся и взглянул на Фэн Мина, стоящего на другой стороне огромной гостиной:

— Я хочу сделать три важных вещи для государя, две из которых уже сделаны. Первое — это устранить будущую угрозу Дунфань — Силэй, это дело, трудно поверить, завершилось успехом. Второе — стереть с лица земли цзиши.

— Третье — это неторопливо упорядочить уже прогнившую внутреннюю власть Дунфань. Получить ответ знающего военное искусство князя, заставив его в стенах дворца Дунфань сражаться с затаившими недоброжелательными приближёнными императора, помогая самому императору устранять препятствия, к тому же, взяв военное искусство, изменить армию, укрепляя дунфаньские войска и позволяя Дунфань стать тираном одиннадцати государств. — Фэн Мин, кивнув, вздохнул в восхищении: — Господин советник и впрямь достойная опора императору Дунфань. Имея Вас при себе, не следует печалиться, что не получится стать мудрым на века государем.

— Князь Мин ошибается, — писанный красавец заметно улыбнулся, и стоящая в центре гостиной стройная фигура выглядела худощавой. Фэн Мин слышал, как мужчина останавливался после каждого слова, а Лу Дань крайне серьёзно продолжил: — Третье дело заключается в том, что перед смертью мне необходим кто-то, кто мог бы вместо меня остаться возле императора.

За стенами комнаты внезапно поднялась метель, которая встревожила висевшую изящную занавеску, поднимая её в воздух.

Фэн Мин, словно услышав вечерний барабан и утренний колокол [10], тотчас же обомлел.

— О чём это господин советник...

— От долгого и мучительного пятилетнего пребывания в храме цзиши здоровье уже крепко испортилось, а чтобы государю злодеи не причиняли вред и чтобы мой Дунфань мог избавиться от славы слабого государства, я принимал меры, убивал людей и строил другим недругам козни без сна и отдыха. Может ли неустанно горящая, а сейчас уже угасающая масляная лампа вечно излучать свет? — Не принимая всерьёз, Лу Дань блёкло продолжил: — Из всех людей лишь князь Мин может отнестись к моей просьбе с особым вниманием. Князь Мин является крайне специфичным человеком, не имеющим злых намерений, напротив, с Вами лучше не связываться. Если Вы останетесь подле императора, мне будет очень спокойно.

Посмотрев на тарачившегося Фэн Мина, Лу Дань тепло улыбнулся, мягко говоря:

— Князь Мин привлекательнее Лу Даня. Лу Дань хоть и красивый, однако обладает очень холодным характером. Кто находится рядом со мной долгое время, чувствуют холод и отчаяние, лишь государь... он никогда не презирал меня.

Фэн Мин смотрел, как мужчина, чьи брови и глаза были будто нарисованы [11], а неопишуемая утончённость — трогательной, медленно приблизился, позволяя почувствовать исходящий от него нежный аромат, сердце быстро заколотилось, а сам юноша невольно вспомнил себя с Жун Тянем.

Перед собственной смертью был бы он широк в своих взглядах, чтобы тщательно подыскивать кого-нибудь, кто бы вместо него остался подле Жун Тяня?

Сердце охватили печаль и неопишуемая тоска, Фэн Мин, закрыв глаза, отвернулся.

— Господин советник с такой лёгкостью сообщил об этом. Встать на место господина советника — разве можно сказать и тотчас же сделать?

— Стоит только князю Мину согласиться, Лу Дань, естественно, найдёт способ, позволяющий с успехом завершить этот план. — И мужчина уверенно добавил: — Государя я смогу хорошенько убедить. Здесь, в императорском дворце, я тогда неспешно позволю князю Мину освоить все необходимые вещи. Что же касается самого князя Мина... — мужчина, скрывая особую мысль, посмотрел на князя. — У меня, разумеется, есть способ, позволяющий князю Мину всем сердцем и всеми помыслами защищать государя.

Сказав лишь часть слов, советник двинулся с места:

— Сегодня остановимся на этом, князю Мину нужно хорошенько выспаться. Лу Дань уже разместил здесь доверенных охранников. Никто не посмеет подойти ближе и потревожить князя Мина.

— Эти присланные из Силэй подарки...

— Дарю князю Мину.

Фэн Мин в замешательстве посмотрел на силуэт Лу Даня и, растерянно схватив Ушуан, внезапно воскликнул, настигая у дверей и останавливая господина советника:

— Почему лишь один меч?

— Другой, конечно же, у государя. — Лу Дань обернулся и со смехом добавил: — Если князь Мин согласится на предложение Лу Даня, я тотчас же пожалую второй меч Ушуан. Однако лишь обоюдно-добровольное ношение Ушуан позволит проклятию мечей возыметь действие. Но если двое людей добровольно вернут мечи, то проклятие исчезнет. Князь Мин прекрасно знает об этом.

После чего утончённый силуэт скрылся в галерее.

Снегопад усилился.

Императорский дворец находился под защитой сильных охранников, даже мышь не могла проскользнуть внутрь.

Фэн Мин, ночью глаз не сомкнув, настойчиво вертел до этого лежащее в квадратной тарелке нефритовое кольцо Жун Тяня и размышлял над каждым словом Лу Даня.

В этом мире был человек, хорошо знающий искусство войны, и это был не Жун Тянь, не Жо Янь, даже не Фэн Мин, а Лу Дань. Лу Дань, чьи дела всегда казались мимолётными, а цели совершенно неблагоприятными, к тому же он действительно шаг за шагом использовал Фэн Мина, достигая желаемой цели.

Вопреки всему случившемуся, советник в конце концов победил.

И такой человек подобен масляной лампе, что раньше ослепляла светом, а в конечном итоге угасает. Возможно ли им не восхищаться?

— Жун Тянь, как я должен поступить? — Фэн Мин, прислонившись к окну, посмотрел на снегопад.

— Я не верю, что ты мог бросить меня. Мне необходимо выжить...

Силэй сейчас, возможно, переполнен ветром, что воняет мясом и кровавым дождём [12]; если хочу помочь тебе, то мне необходимо быть сильным.

Внезапно раздалась острая боль, и Фэн Мин, опустив голову, увидел тёмно-алую кровь, что вытекала между сжимающих лезвие Ушуан пальцев.

Жун Тянь, как, в конце концов, твоё состояние?

Небо по-прежнему над головой, звёзды видели нашу безрассудность на берегу реки Оман, и сейчас они, наверно, также освещают твой силуэт под луной.

Фэн Мин поднялся на ноги и, запрокинув голову, посмотрел на небо. Хлопья снега, казалось, как назло безостановочно падали на землю. Кровь, капая с руки, срывалась вниз, окрашивая дорогой меховой ковёр.

— Я никогда не являлся крепким человеком и совсем не способен бороться с хаосом, царящим в императорском дворце... — Нахлынувшая обида переполняла сердце, юноша был в одиночестве, всеми покинутый.

И вдобавок охваченный холодом.

— Только... — Чёрные глаза, в которых сверкнула слеза, уставились перед собой. Стиснув прекрасную нижнюю губу, князь проговорил: — Если дунфаньская мощь окажется в моих руках, то наверняка в подходящее время сможет помочь мне.

Это была ловушка Лу Даня.

Всё было яснее ясного, вот только он, князь, был вынужден прыгнуть в неё.

Смахнув слёзы, Фэн Мин молча сжал находящийся при нём Ушуан.

В мгновение ока князь словно вернулся в прошлое, когда всё ещё жил в императорском дворце Силэй, в покоях наследного принца, именно тогда он, дав волю своему нраву, поссорился с Жун Тянем.

Тогда рядом были Цю Лань, Цю Юэ, Цю Син и новоиспечённый телохранитель — Жун Ху, которому Жун Тянь приказал охранять Фэн Мина, а Ле-эра он на тот момент ещё не знал.

Слова Ся Гуаня всё ещё звучали в ушах:

— Хотя этот меч и носит имя Ушуан [13], но, тем не менее, у него есть пара.

— Как гласят легенды, в древние времена два брата, носившие фамилию Ань, защищали страну. Их заклятым врагом была жуткая нечисть. Битва была жестокой. Многие годы братья

не могли побороть зло, и тогда им не оставалось ничего, кроме как прибегнуть к самому последнему плану...

— Братья воспользовались заклятием и выковали из собственной крови два драгоценных меча и наложили на каждый из них заклятие, которое связывало судьбы их владельцев.

— Братья Ань прокляли оружие: мечи парные, а значит, и судьба у их владельцев будет одной. Умрёт один — умрёт и второй.

— Меч старшего брата был передан нечисти, после чего тот покончил с собой, а вслед за ним умерла и нечисть. Младший брат выжил и пришёл править этими землями, немногим позже основав Силэй и став правителем первого поколения нашей страны. Чуть позже второй клинок вернулся императору и был спрятан во дворце. Больше мечи никто не видел.

Этот меч являлся фундаментом, основавшим Силэй.

Жун Тянь, я не только твой Фэн Мин, я также являюсь князем Силэй.

Если Лу Дань способен излить всю кровь своего сердца императору Дунфань, став почти угасающей масляной лампой, то почему мне тотчас же нельзя вооружиться Ушуаном?

Сжимая холодную рукоять меча рукой, которая медленно истекала кровью, Фэн Мин привязал оружие к поясу.

Окно широко распахнулось, метель с рёвом ворвалась в комнату. Хлопья снега, найдя новое укрытие, радостно влетели следом и, невзирая на смертельную опасность, без страха поцеловали горячую печь.

Фэн Мин, встав лицом к ветру и сжимая рукоять меча, равнодушно смотрел на туманное небо, в котором потихоньку погибала тьма.

А само небо скоро должно было озариться рассветом.

Примечания:

[1] Досл.: разорвать лицо.

[2] Обр. в знач.: быть ненасытным, алчным, жадничать.

[3] В оригинале фраза звучит как «сыкун немало повидал...» (аббревиатура стихотворной строчки 司空见惯), обр. в знач.: привыкнуть, присмотреться.

[4] То есть, вытащив доски, сломал мост. Обр. в знач.: отплатить неблагодарностью.

[5] Обр. о бессердечном, злом, опасном человеке.

[6] Обр. в знач.: отпустить злодея на свободу.

[7] Обр. о красивой женщине.

[8] Обр. об ослепительной, неотразимой красоте.

[9] В оригинале фраза звучит как «и не холодно, а дрожь», обр. в знач.: содрогнуться от страха, прийти в ужас, бросить в дрожь.

[10] «Вечерний барабан и утренний колокол в буддийском храме», обр. в знач.: доходящие до сознания и сердца слова; наставление, предостережение.

[11] Обр. в знач.: очень красивый.

[12] Обр. кровавая баня, кровавый, кровопролитие.

[13] Единственный, несравненный, неповторимый, уникальный.

<http://bllate.org/book/13377/1190147>